

Э.Д. Фролов. Русская наука об античности. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999

Рецензируемая книга Э.Д. Фролова ценна во всех отношениях. Она посвящена нашим Учителям и Учителям наших Учителей. Всякий, кто получил высшее историческое и историко-филологическое образование в Ленинградском – Санкт-Петербургском университете, прочитав книгу и вспомнив свои студенческие годы, с чувством глубочайшего уважения повторит вслед за поэтом: «Учитель! Перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени».

В университетском преподавании, как справедливо считал С.А. Жебелев, курс истории является центральным. Фундаментом, на котором он зиждется, является древняя, а точнее античная история, но она лишь часть той большой науки, которая называется антиковедением или наукой об античности. Именно о ее выдающихся отечественных представлениях и рассказывает Э.Д. Фролов. Перефразировав слова одного из первых корифеев русского антиковедения М.С. Куторги, автор подчеркивает, что «...никакое другое начало не оказало такого влияния на русскую культуру, как античность» (с. 9). Этой фразой Э.Д. Фролов начинает первую часть своего исследования, в которой он рассматривает становление русского антиковедения начиная с древнейших предпосылок в Киевской Руси и вплоть до формирования академической и университетской науки об античности в первой половине XIX в. (с. 9–174). Он уделяет особое внимание русским переводам византийских хроник и античных произведений (с. 12–24). Эти переводные сочинения послужили основой для составления первых отечественных обзоров всеобщей истории так называемых хронографов, где античности отводилось весьма важное место.

Э.Д. Фролов отмечает, что первые серьезные попытки использования античного наследия в политической публицистике относятся к XVIII в. (с. 30–45), когда благодаря реформам Петра Великого достигла значительного развития в России переводческая и книгоиздательская деятельность, была основана Петербургская Академия наук. Автор, подробно характеризуя переведенную и изданную литературу, в частности по античности, главное внимание уделяет основанию Петербургской Академии наук, считая, что именно с этого времени начинает свое существование отечественная наука об античности (с. 46–85).

Важная роль в становлении антиковедения в России в первое время принадлежала иностранцам. К сожалению, в отечественной науке сложилось пренебрежительное отношение к иностранным ученым. Э.Д. Фролов на примере деятельности Г.Э. Байера (1694–1738) убедительно показывает несправедливость негативных высказываний на этот счет. Характеризуя работы Байера об истории юга России, автор подчеркивает, что выдающийся немецкий исследователь фактически положил начало тому направлению в русском антиковедении, которое остается ведущим и в настоящее время – это всестороннее исследование Северного Причерноморья и Кавказа.

Развитие русского антиковедения во второй половине XVIII в. было связано с основанием в 1755 г. Московского университета и деятельностью первых русских академиков В.К. Тредиаковского (1703–1764) и М.В. Ломоносова (1711–1765), анализу творчества которых Э.Д. Фролов посвящает специальный раздел своей книги (с. 85–111). Ученики М.В. Ломоносова Н.Н. Поповский (ок. 1730–1760) и А.А. Барсов составили переводное ядро профессорской корпорации только что открывшегося Московского университета, который, как подчеркивает автор, давал весьма глубокие знания своим питомцам и издавал различные учебные пособия.

Окончательное оформление русского антиковедения в науку произошло в первой половине XIX в. Эту проблему Э.Д. Фролов рассматривает в III главе первой части своей работы (с. 112–174). Он совершенно правильно связывает успехи в изучении античности в России с развитием классического образования в стране и началом археологических изысканий в Северном Причерноморье. Следствием этого было особое внимание к изучению античной истории и литературы в Академии наук и в университетах: в Дерпте в 1802 г., Казани в 1804 г., Харькове в 1805 г., Киеве в 1834 г. и Одессе в 1865 г. Наибольшее внимание Э.Д. Фролов уделяет развитию антиковедения в Московском, Петербургском и Харьковском университетах (с. 142–174). Поскольку российские университеты нуждались в хорошо подготовленных специалистах, то при Дерптском университете был создан Профессорский институт, куда посылали лучших выпускников для получения профессорского звания. Обучая здесь в течение трех-четырёх лет, их затем направляли на два года за границу для подготовки и написания магистерских

и докторских диссертаций. Среди первых слушателей Профессорского института в Дерпте были Д.Л. Крюков (1809–1845), М.С. Куторга (1809–1886) и М.М. Лунин (1806–1844). После пребывания за границей и возвращения в Россию они были распределены в университеты: Д.Л. Крюков – в Московский, М.С. Куторга – в Петербургский, М.М. Лунин – в Харьковский.

Отмечая огромный вклад, который внесли в изучение античности в Московском и Харьковском университетах Д.Л. Крюков и М.М. Лунин, а также их ученики и последователи, Э.Д. Фролов наиболее подробно характеризует научную и общественно-педагогическую деятельность М.С. Куторги, из семинаров которого вышла целая плеяда его учеников, молодых ученых, ставших впоследствии видными антиковедами, В. Ведрова, М.М. Стасюлевича, Е.А. Астафьева, В.В. Бауэра, П.И. Люперского. Они и составили могучее ядро первой петербургской школы антиковедов. В научно-педагогической деятельности М.С. Куторги, как отмечает Э.Д. Фролов, обращают на себя внимание две особенности, в значительной степени определившие содержательную сторону петербургской школы антиковедов. Прежде всего это глубокий интерес к историко-литературным текстам и использование достижений историко-критического метода. В преподавании античной истории М.С. Куторга первостепенное значение придавал анализу источников и литературы предмета. При этом главное внимание он акцентировал на знакомстве слушателей с методом научных исследований.

Под сильным влиянием М.С. Куторги формировались научные интересы и Ф.Ф. Соколова, открывшего новое эпиграфическое направление в русской науке об античности. В середине XIX в. антиковедение, опирающееся на данные историко-литературных текстов, стало переживать некий методологический кризис, так как понимание классической филологии в широком смысле, трактуемом А.Ф. Вольфом, А. Беком и др., уступило место ориентации на изучение эстетически значимых текстов, на их узкоформальное лингвистическое или литературоведческое истолкование. К собственно же историческим текстам стало все более развиваться гиперкритическое отношение. Спасительным якорем для науки о классических древностях, как справедливо считает Э.Д. Фролов, стали интенсивные археологические изыскания, вызвавшие к жизни с середины XIX в. ряд новых источниковедческих дисциплин, в частности эпиграфику и папирологию. Накопленный опыт изучения античных древностей вместе с исследованием археологических памятников Северного Причерноморья, эпиграфических и папирологических текстов обусловили расцвет русской науки о классических древностях с 60-х годов до 1917 г. Этому Э.Д. Фролов посвящает вторую, центральную часть своей книги (с. 175–396).

Развитие эпиграфического направления в русской науке об античности связано с именами Ф.Ф. Соколова (1841–1909), И.В. Помяловского (1845–1906) и П.В. Никитина (1849–1916). При этом особенно велико было значение научной и преподавательской деятельности Ф.Ф. Соколова. Э.Д. Фролов глубоко проанализировал его творческую карьеру, отметив ту огромную роль, которую сыграли его эпиграфические семинары по пятницам, ставшие колыбелью новой петербургской школы антиковедов (с. 178–197). Хотя историко-филологическое направление, основанное Ф.Ф. Соколовым, стало ведущим в русском антиковедении XIX – начала XX в., тем не менее, как отмечает автор (с. 205–211), под его непосредственным влиянием сформировалось во второй половине XIX в. и другое направление – культурно-историческое, представленное трудами В.Г. Васильевского (1838–1899), К.Я. Люгебиля (1830–1887) и Ф.Г. Мищенко (1847–1908).

Специальную главу Э.Д. Фролов посвящает ученикам Ф.Ф. Соколова (с. 216–280). К старшему их поколению относились В.К. Эрнштедт (1854–1902), В.В. Латышев (1855–1921), А.В. Никитский (1859–1921), Н.И. Новосадский (1859–1941). В.В. Латышеву посвящается специальный очерк (с. 223–259), потому что, хотя его фигура, как совершенно правильно отмечает автор, оказалась как бы в тени, тем не менее реальная значимость его деятельности ничуть не уступает таким хорошо известным ученым, как С.А. Жебелев и М.И. Ростовцев. Благодаря исследованиям В.В. Латышева в области истории и культуры Северного Причерноморья отечественное антиковедение надолго определило для себя в качестве главного направления изучение истории и культуры греческих городов и народов этого региона. Огромный вклад В.В. Латышев внес в развитие классического образования в России, на что также обращает особое внимание Э.Д. Фролов, подчеркивая, что его классицизм не был чем-то искусственным, формально подчиненным официальному курсу правительства в области образования. В.В. Латышев был убежден, что только утверждение классического образования в средней и высшей школе может способствовать сохранению высокого уровня культуры в обществе и формированию здорового консерватизма в умах молодых людей, делающего их способными противостоять надвигающейся лавине материалистических идей и связанного с ними воинствующего атеизма. В.В. Латышев не принял победу большевиков, не мог прибегнуть к духовной маскировке и таким образом приспособиться к новому режиму. Его трагедия заключалась

в том, что он, как отмечает Э.Д. Фролов, был слишком привязан к русским корням и в отличие от М.И. Ростовцева не помышлял об эмиграции.

Среди младших «соколовцев» автор особенно выделяет С.А. Жебелева (1867–1941), поскольку с его именем связано не только продолжение научных традиций, завещанных Ф.Ф. Соколовым и В.В. Латышевым, но и сохранение, по крайней мере части их, в период, обусловленный революционными и постреволюционными событиями в России. Правда, ему пришлось пойти на компромисс с советской властью и коммунистической идеологией (с. 263–277). Э.Д. Фролов характеризует С.А. Жебелева как наиболее последовательного ученика Ф.Ф. Соколова, поскольку он не только подобно учителю питал склонность к установлению фактов, но и избрал для себя в качестве исследования эллинистическо-римский период греческой истории, к которому Ф.Ф. Соколов обратился уже в конце жизни. Важной заслугой С.А. Жебелева, по мнению Э.Д. Фролова, является его вклад в историографию науки о классической древности, поскольку он был рецензентом многих работ русских и зарубежных ученых и мастером библиографических и историографических очерков. Рассматривая деятельность С.А. Жебелева в период установления коммунистического режима в России, Э.Д. Фролов отмечает, что он, объявленный классовым врагом, подвергся травле наряду с другими учеными, такими, как В.П. Бузескул. Поэтому он в 30-е годы вопреки своей совести вынужден был в духе тогдашней советской марксистской теории "революции рабов" принять точку зрения, что Савмак, руководитель выступления скифов против боспорского царя Перисада, был рабом, и рассматривать это выступление как первое революционное восстание рабов на территории СССР.

Историко-филологическое направление хотя и было основным направлением русской науки об античности, но не исчерпывало ее. Поэтому Э.Д. Фролов специальный раздел посвящает рассмотрению культурно-исторического, социально-политического и социально-экономического направлений, весьма успешно развивавшихся в русской антиковедческой науке на рубеже XIX–XX веков (с. 281–396). Характеризуя культурно-историческое направление (с. 281–311), Э.Д. Фролов значительное внимание уделяет анализу творческой деятельности эллинистов: Ф.Ф. Зелинского (1859–1944), Э.Р. фон Штерна (1859–1924), Б.В. Варнеке (1874–1944) и других романистов: Ю.А. Кулаковского (1855–1919), И.В. Нетушила (1850–1928), Г.Э. Зенгера (1853–1919). В первой группе ученых автор особенно выделяет Ф.Ф. Зелинского. Великолепно зная античную культуру и считая ее фундаментом новейшей европейской культуры, Зелинский был выдающимся просветителем, педагогом и публицистом, пользовался ученой и литературной славой. К сожалению, его труды до недавнего времени были у нас библиографической редкостью. Сегодня же благодаря переизданию некоторых из них они стали доступны читателю.

Среди романистов Э.Д. Фролов прежде всего характеризует творчество Ю.А. Кулаковского и И.В. Нетушила. Первый, получив прекрасное образование в Московском и Берлинском университетах, занимаясь в семинарах Т. Моммзена, стал впоследствии профессором Университета св. Владимира в Киеве. Среди его работ автор прежде всего указывает на перевод Аммиана Марцеллина, а также его исследования позднеантичных древностей в Северном Причерноморье. Как отмечает Э.Д. Фролов, интерес к позднеантичным и раннехристианским древностям побудил Ю.А. Кулаковского обратиться к истории Византии. Этому способствовали и его православно-монархические взгляды, хотя его отношения с клириками Киевской духовной академии были весьма натянутыми. Подобно многим русским антиковедам О.А. Кулаковский был ревнителем классического образования в России. Э.Д. Фролов подчеркивает, что его волновало устранение греческого языка из программ среднеобразовательных школ, что было результатом реформы в системе образования в начале XX в. Однако Ю.А. Кулаковский вовсе не был абсолютным ретроградом, и с учетом тех мер, которые намечались и в Западной Европе, он настаивал не на исключении из программы древнегреческого языка, что вело к нивелировке и опрошению образования, а на введении дифференцированного обучения. Эта идея сегодня, по крайней мере постепенно, пробивает себе дорогу в российской системе образования.

Другим не менее выдающимся филологом-классиком и знатоком римской истории был профессор Харьковского университета И.В. Нетушил. Чех по национальности, он приехал в Россию по приглашению российского правительства для укрепления системы преподавания в гимназиях. Более 10 лет, как отмечает Э.Д. Фролов, он преподавал в харьковских гимназиях и только после этого перешел работать в университет, где стал профессором, а затем был ректором до 1919 г. Имея прежде всего филологическую подготовку, И.В. Нетушил отдавал предпочтение литературным текстам и с некоторым недоверием относился к археологическому материалу. Вместе с тем, как подчеркивает Э.Д. Фролов, он был противником гиперкритического отношения к литературной традиции, которое получило широкое распространение в его

время. Он печатался большей частью в «Журнале Министерства народного просвещения», в «Филологическом обозрении», в «Записках Харьковского университета». Из его основных сочинений Э.Д. Фролов отмечает «Очерки римских государственных древностей», которые до сих пор остаются единственным сочинением подобного рода в отечественной литературе, а также его «Лекции по римской истории» в трех томах. Сокращенный же вариант «Обзор римской истории», выдержавший два издания (1912, 1916 гг.), до сих пор не потерял своей ценности.

Стремление связать историю Греции и Рима с социально-политическим и экономическим развитием античного общества было вызвано к жизни реалиями современности, характеризующимися быстрым развитием капитализма и обострением социально-политических противоречий. Исследователи искали в античности сопоставимые с современными социально-политические и экономические проблемы с тем, чтобы глубже проникнуть в сущность исторического развития человечества. Возникшие вследствие этого социально-политическое и социально-экономическое направления в исследовании античной истории получили развитие в различных университетских центрах. Очерки научно-педагогической и общественной деятельности выдающихся представителей этих направлений В.П. Бузескула (1858–1931), Э.Д. Гримма (1870–1940), И.М. Гревса (1860–1941), М.И. Ростовцева (1870–1952) и М.М. Хвостова (1872–1920) написаны Э.Д. Фроловым очень живо и с чувством глубокого уважения к этим ученым (с. 312–398).

С развитием этих направлений, как подчеркивает автор, произошли существенные сдвиги в самой науке античной истории. Монопольное господство классической филологии, при котором античная история была всего лишь вспомогательной дисциплиной, существовавшее с конца XVIII в., было поколеблено. История Греции и Рима стала теперь самостоятельной областью исследования. Вместе с тем Э.Д. Фролов совершенно правильно отмечает, что В.П. Бузескул, И.М. Гревс, М.И. Ростовцев, отстаивая самостоятельность развития науки древней истории, выступали против радикальных реформ, направленных на ликвидацию классического образования, и были убеждены в необходимости комплексного изучения античного как филологами, так и историками.

Другую тенденцию, возникшую в связи с появлением этих направлений, Э.Д. Фролов видит в том, что теперь интерес исследователей был обращен на решение общих социально-политических и экономических проблем развития античного мира. К числу этих проблем автор относит историю афинской демократии (В.П. Бузескул, В.А. Шеффер), всеобъемлющее исследование истории императорской власти в Риме от Августа до Марка Аврелия (Э.Д. Гримм), историю римского землевладения во времена империи (И.М. Гревс); социально-политическую и экономическую историю эллинизма (М.И. Ростовцев, И.М. Хвостов); историю римского колоната, социальную и экономическую историю Римской империи (М.И. Ростовцев).

Однако, как замечает Э.Д. Фролов, если В.П. Бузескул, И.М. Гревс и М.М. Хвостов в своей научной деятельности главное внимание обращали на общие социально-политические и экономические проблемы и даже порой, в частности В.П. Бузескул, высказывали критически по отношению к частным историко-филологическим изысканиям, то направленность научных исследований М.И. Ростовцева была более многогранной и разносторонней. Интересуясь общими социально-экономическими проблемами эллинизма и Римской империи, он не оставлял и основного историко-филологического направления, которое было связано с именами Ф.Ф. Соколова и В.В. Латышева. Это объясняется тем, что его наставниками в Петербургском университете в 1890–1892 гг. были выдающиеся эпиграфисты Ф.Ф. Соколов, И.В. Помяловский и П.В. Никитин, а во время длительной заграничной стажировки он познакомился с известными археологами и эпиграфистами, работая в их семинарах и участвуя в археологических раскопках. Поэтому, вернувшись в Россию, он с увлечением стал заниматься историей античного Причерноморья. Но как совершенно справедливо замечает Э.Д. Фролов, М.И. Ростовцев в отличие от своих предшественников исследовал различные сюжеты истории Причерноморья под углом зрения глобальной проблемы – взаимоотношения Запада и Востока. На это указывают не только его многочисленные статьи, посвященные отдельным городам и государствам Причерноморья, но и его книги «Эллинизма и иранство на юге России», «Скифия и Боспор».

Тема Восток–Запад, равно как и социально-экономические проблемы эллинизма и Римской империи, интересовали М.И. Ростовцева особенно в связи с процессами, происходившими в самой России. Как абсолютно верно отмечает Э.Д. Фролов, М.И. Ростовцев, интеллектуально одаренный, эрудированный и богатый идеями ученый, будучи приверженцем либеральных взглядов западного толка, решительно не принял переворот, осуществленный большевиками, увидев в нем проявление бунта низов, грозящего полным уничтожением российской

культуры. Именно под влиянием этого понимания процессов октября 1917 г. он, рассматривая гражданские войны в Риме во II–I вв. до н.э. и смуты в Римской империи в III в. н.э., выдвинул идею о губительном выступлении армии, составленной из низов и возглавляемой честолюбивыми политиками, как главной причине разрушительной социальной революции.

Говоря о М.И. Ростовцеве, следует отметить, что его имя даже может быть более, чем имя В.В. Латышева, приобрело в нашей стране в последнее время новое рождение. До этого о нем как о «белоземigrante» почти не упоминалось. Западные архивы, воспоминания ученых, некрологи были недоступны отечественным исследователям. И только после 1989 г. благодаря усилиям акад. Г.М. Бонгард-Левина и молодых петербургских ученых В.Ю. Зуева и И.В. Тункиной, собравших богатейшее архивное наследие М.И. Ростовцева, а также Э.Д. Фролова, составившего исчерпывающий очерк о его жизни и научно-педагогической деятельности, имя М.И. Ростовцева, как выдающегося антиковеда XX в., возвращено русской науке и навечно вписано в ее золотой фонд.

Анализируя творческую деятельность российских антиковедов второй половины XIX – начала XX в., Э.Д. Фролов делает совершенно правильный вывод о том, что русская наука об античности находилась в цветущем состоянии. Однако этот расцвет был недолговечен. О страшном времени разрушения антиковедения после 1917 г. Э.Д. Фролов говорит немного (с. 397–407). В других работах оно достаточно подробно описано с привлечением документального материала¹.

В 50-е годы XX в., как отмечает Э.Д. Фролов, началось возрождение русского антиковедения. Важнейшая особенность этого и последующих периодов, по мнению Э.Д. Фролова, заключалась в повороте от социологической схемы к живому восприятию классической древности. Стала укрепляться академическая и университетская наука об античности. Появилась целая плеяда ученых разных направлений и специальностей, была создана Российская Ассоциация антиковедов (с. 405–425). Э.Д. Фролов не дает развернутого обзора деятельности ученых советского периода. Это объясняется тем, что новейшая историография изобилует очерками подобного рода (см. соответствующие материалы в ВДИ; Историография античной истории. Под ред. проф. В.И. Кузицина. М., 1980. С. 335–372 и другие публикации).

Безусловно ценность книге придают великолепные портретные зарисовки ученых: С.И. Ковалева (1886–1960), С.Я. Лурье (1891–1964), А.И. Доватура (1897–1982) и К.М. Колобовой (1905–1977), внесших наиболее крупный вклад в жизнь кафедры античной истории Петербургского (Ленинградского) университета и оставшихся навечно в памяти их учеников. Этот последний раздел книги Э.Д. Фролова я читал с особенно трепетным чувством, так как мне выпало счастье не только слушать у К.М. Колобовой курс лекций по истории древней Греции и истории эллинизма, но быть ее аспирантом, к сожалению, уже последним. А.И. Доватура я много раз и с большим удовольствием слушал, будучи студентом и аспирантом. О С.И. Ковалева и С.Я. Лурье я много ценного для себя узнал еще в студенческие годы и от К.М. Колобовой, и от автора рецензируемой книги. Поэтому должен сказать, что эти четыре портрета написаны Э.Д. Фроловым живо и проникновенно и создают у читателя возвышенно-романтическое настроение. Все очерки о выдающихся русских антиковедах и особенно эти четыре составлены автором в строгом соответствии с основными правилами историко-филологической критики, сформулированными еще выдающимся итальянским гуманистом Лоренцо Валла. Так, Э.Д. Фролов, неоднократно на протяжении всего своего изложения подчеркивая, что его исторический обзор не претендует на исчерпывающую полноту и что он не в состоянии оценивать все возможные темы, безусловно показал, что он, как ученый, обладает сознанием границ своих способностей к оценкам.

Анализируя творчество не только выдающихся корифеев антиковедения М.С. Куторги или Ф.Ф. Соколова, В.В. Латышева, В.П. Бузескула или М.И. Ростовцева, но и своих учителей, он не старается быть их апологетом. Э.Д. Фролов рассматривает их как представителей своего времени, а их теоретические концепции как соответствующие тогдашнему уровню развития науки об античности или отвечающие требованиям соответствующих идеологических установок. Поэтому, рассказывая о них и возражая им, когда это необходимо с точки зрения сегодняшнего состояния науки, Э.Д. Фролов доказал, что он как исследователь стремится к правде и объективности по отношению к лицам и их действиям и мыслям. Наконец, возвращаясь к последней главе книги Э.Д. Фролова, я уверенно могу сказать, что, даже характеризуя своих учителей, он умеет подавлять свои собственные симпатии и интересы.

¹ См., например, *Джимбинов С. Коэффициент искажения. Революция и культура // Новый мир. 1992. № 9. С. 207 сл.*

Завершая рецензию, хочу отметить, что историографическое сочинение – это исследование особого рода, в котором важно прежде всего авторское понимание того, о каких школах и направлениях и о каких исследователях следует говорить, и поэтому подвергать критике его избирательный подход, я думаю, неконструктивно. Оценить нужно то, как автор выполнил поставленную перед собой задачу. И в этом смысле могу лишь отметить, что книга Э.Д. Фролова благодаря своей содержательности, языку и стилю читается с огромным интересом. Труд Э.Д. Фролова является крупным вкладом в отечественную и мировую историографию об античности. Автор создает у читателя оптимистическое настроение, подчеркивая, что сегодня прежде политическое давление снято с русской науки о классической древности, и ученые могут дышать свободно. Но главным залогом будущих успехов отечественного антиковедения явилось бы возрождение классической системы образования в средней и высшей школе, хотя бы в форме дифференцированного обучения, и укрепление кафедр классической филологии и античной истории в университетских центрах.

В.М. Строгоцкий

© 2002 г.

F. OLIVIER-UTARD. Politique et archéologie. Histoire de la Délégation archéologique française en Afghanistan (1922–1982). Paris: Ministère des affaires étrangères, Edition Recherche sur les Civilisations, 1997. 423 p.

Всем известно, какова в настоящее время в России ситуация с новой зарубежной литературой, особенно по древней истории и археологии. Масса новых книг и журнальных статей остаются для многих специалистов совершенно недоступными, хотя знакомство с ними в высшей степени необходимо. К числу таких работ принадлежит и рецензируемая работа. Мне уже несколько лет тому назад приходилось слышать, правда весьма разноречивые, отклики на книгу Ф. Оливье-Утар, но только зимой 2001–2002 гг. удалось познакомиться с ней. Поэтому, несмотря на то что книга опубликована уже достаточно давно, я решил дать короткую рецензию на нее.

Для всякого специалиста по археологии Средней Азии история Французской археологической делегации в Афганистане (UFAFA, далее в тексте ДАФА) полна глубокого интереса, поскольку на протяжении нескольких десятилетий этот археологический коллектив был своего рода «маяком» (если воспользоваться терминологией хрущевских времен) или образцовой моделью для всех нас, советских археологов, работавших в Средней Азии. Именно эта экспедиция была нашим ближайшим соседом (другие западные или японские миссии очень быстро «сходили с дистанции» и, естественно, не могли конкурировать с этой экспедицией), который постоянно поражал нас и результатами своих исследований и тщательностью обработки и издания материалов, а также, что не менее важно, своими теоретическими новациями. Можно со спокойной душой сказать, что многие из нас смотрели на ДАФА, как на образцовую центрально-азиатскую археологическую экспедицию. Естественно, что при таком отношении в среде среднеазиатских археологов ходило много мифов и об истории Делегации и тех процессах, которые в ней происходили. Сейчас благодаря публикации рецензируемой книги появилась возможность ближе познакомиться с ее историей.

Данная книга, представляющая собой официальное издание Министерства иностранных дел Франции, дает огромную новую информацию относительно всех 60 лет существования ДАФА. Эта информация почерпнута, главным образом, из документов, хранящихся в архивах министерства и других правительственных учреждений, а также, естественно, из некоторых частных архивов и самих публикаций Делегации.

Естественно, что в книге представлен огромный материал, к которому еще не раз будут обращаться специалисты. Охватить его в рецензии нет никакой возможности, тем более что основные положения, отстаиваемые автором, подкрепляются многочисленными документами из архивов. В силу этого моя рецензия будет представлять собой своего рода заметки на полях в тех случаях, когда выводы автора мне представляются спорными.